

Они сражались за Родину

Прежде чем встретиться с участником Великой Отечественной войны Алексеем Семёновичем Копыловым (на фото), я пообщалась с его очаровательной правнучкой Сонечкой.

Сонечка сразу стала знакомить меня с хомячком: вынула из клетки и всё пыталась убедить меня взять его на руки. Ещё у них в доме живут две собаки. Рассказала девочка и о себе: ей шесть лет, дважды в неделю она ходит в гимназию и три раза – в танцевальный кружок. Сделала шпагат и без запинок назвала мне все буквы в слове «ветеран». Показала уютную детскую комнату и объяснила предназначение

Счастье наперекор войне

Мирная жизнь ветерана наполнена семейным теплом и заботой близких

многочисленных кукол и игрушек. А потом перешли с ней к разговору о дедушке.

Они обожают друг друга. Алексей Семёнович души не чаёт в правнучке, занимается с ней – читает стихи, сказки, рассказывает о том, что было с ним на войне. Правнучке всё интересно. Вот и во время нашей беседы она внимательно слушала его воспоминания.

Родился Алексей Копылов в Омской области, куда семья на основании постановления правительства приехала по переселению с Украины. После окончания шести классов получил направление в Омск на обучение в ФЗО по специальности «столяр-плотник». Уже в первый год обучения проходил производственную практику на строительстве барakov – настилал полы, рыл ямы для столбов и во время копки находил копы и мины времён, когда Ермак завоёвывал Сибирь. Через год вернулся домой. Как у многих детей, рождённых до войны,

у него была несладкая жизнь. Работать в колхозе начал с четырнадцати лет. Перед школой ему вменялось в обязанность отвозить на телеге женщин на работу в поле. Затем возвращался и шёл на учёбу, а в конце дня вновь ехал за женщинами в поле. Впоследствии трудился на сенокосилке, заготовке кормов – везде нужны были рабочие руки.

Алексее не исполнилось и восемнадцати, когда его призвали на службу в Красную Армию. Привезли в Красноярск, в военный городок, где жили и учились призывники, а к весне направили в танковое училище, которое располагалось в районе Вагонка Нижнего Тагила. Через полгода получил специальность механика-водителя самоходных установок и вместе с другими выпускниками приехал

на военный завод получать танки. Через пять дней танки погрузили на платформы, накрыли брезентом и отправили в Белоруссию. В Гомеле дали приказ – прибыть на Украину, а в дороге получили ещё один – не останавливаясь, направиться в Румынию, в город Яссы – стратегически важный:

там шла промышленная переработка нефти. Когда подошёл к городу, он был уже освобождён от немцев. Затем направили в местность недалеко от Бухареста.

В одном из боев Копылова ранило, его увезли в прифронтовой госпиталь. Здесь восемнадцатилетнему бойцу вручили медаль «За отвагу» и признали инвалидом войны. Пролечили около месяца и направили в батальон при госпитале. Вскоре Алексея

зачислили в артиллерийский пехотный дивизион.

Как-то Алексея Копылова одного послали за пополнением – в госпиталь, который находился в трёх километрах от места военных действий. Выполнил приказ, вернулся в штаб и строем привёл сто человек. А вечером приехали командиры из танкового полка, забрали с собой бывших танкистов и повезли на эшелоне в Чехословакию, где они сразу вступили в бой.

– Самое страшное – это игра со смертью. Хочется забыть об ужасах войны, но это невозможно, – говорит Алексей Семёнович.

Война напоминает ему о себе: во время вражеского налёта в Венгрии Алексея Копылова ранило, и с тех пор он носит в своём теле осколок снаряда.

Алексей Семёнович награждён орденом Отечественной войны I степени – за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, медалями «За взятие Вены», «За победу над Германией», юбилейными медалями «30 лет Советской Армии и Флота», «50 лет Вооружённых Сил СССР»...

Когда закончилась воинская служба, Алексей вернулся до-

мой. Но потом решил съездить в гости к родственникам в Магнитогорск. Те посоветовали устроиться на работу в милицию. Он даже сходил на приём в отдел кадров и взял на обдумывание неделю, но, когда вышел из милиции, увидел вывеску отдела кадров калибровочного завода. Зашёл... и около сорока лет проработал в различных цехах завода. Алексей Семёнович Копылов – ветеран труда. Награждён медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

С женой прожили тридцать шесть лет, у них двое детей – сын и дочь, два правнука и правнучка. Жена давно умерла, и Алексей Семёнович теперь продолжает жить вместе с семьёй сына.

Вглядываясь в лица, всегда можно понять, счастлив ли человек. Алексею Семёновичу повезло. Семья у него замечательная, всё в доме дышит теплом, покоем и заботой. Теперь для него главное – здоровье: нужно продолжать жить, не обращая внимания на дату своего рождения.

Галина Литвин,
заместитель председателя
совета ветеранов
ОАО «ММК-МЕТИЗ»

Лихолетье

Алина Кондратьева

От голода спасал лес

Праздник 9 Мая всегда проходит в слезах и воспоминаниях

Моё военное детство началось на родной Смоленщине, когда мне не было и четырёх. Нас стали бомбить с первых дней войны. Через неделю отец, экономист управления Западной железной дороги, участник финской кампании, отправил нас с мамой и старшим братом в эвакуацию в Горьковскую область.

Помню перрон, заполненный женщинами и детьми, эвакуационный эшелон из нескольких дачных вагонов. Скарба у всех было немного. Нам достался один из деревянных диванчиков, а некоторые семьи разместились на полу, в проходах. Очень жарко, душно, но главное, тревожно. В пути внезапно послышался гул, поезд остановился. Гул превратился в рёв, все побежали по скошенному полю в соседний лес, а когда стало

свистеть, рваться, вздыбилась земля – просто падали на землю кто где был. Я так испугалась, что не могла оценить, откуда исходит наибольшая опасность, и, вместо того чтобы бежать, всё время пыталась поджать ноги под себя, чтобы не колоться о стерню. Когда гул стих, мы вернулись в вагоны, и я с удивлением увидела, что не все поднимаются с земли и что в вагоны вернулось вполновину меньше людей. Эшелон продолжил движение.

В Горьковской области – нынешней Нижегородской – нас вместе с несколькими семьями из Смоленска, Орши, Витебска разместили в небольшой лесной деревушке Тоншаевского района, в правлении скотоводческой фермы. Спали на полу.

От голода спасал лес: ели не только ягоды-грибы, но и коренья, травы. Верили, что здесь ненадолго: война вот-вот

закончится. Но лето кончилась, а война – нет. Тёплой одежды не было, да и летняя износилась очень быстро, особенно на детях.

Местные относились к нам не слишком доброжелательно. Никому из приезжих работы не было. К этому времени из деревни массово мобилизовали на фронт мужчин, а нас, эвакуированных, расквартировали в семьях местных жителей. Это способствовало улучшению отношения к нам, хотя отчуждённость селян ощущали постоянно. А с началом учебного года маме нашлось учительское место в школе.

Помню два страшных зимних эпизода. Один: когда я, пятилетняя, набирая воду, чуть не съехала по обледенелому срубу в колодец – меня успел подхватить и вытащить сы-

нишка хозяйки. Второй: когда поздно вечером, выйдя из дома по нужде, с крыльца увидел страшных больших собак и юркнула обратно в сени, а назавтра обнаружилось, что в деревню приходили волки.

В начале сорок четвёртого, как только Смоленск освободили от оккупации, мы вернулись домой. Город лежал в руинах. От нашего дома ничего не осталось. Сейчас понимаю, как тяжело было нашим матерям. Нас приютили родственники, которые жили в старой крепости в каморках, отапливаемых слабыми печурками. Мы, дети, бегали по развалинам в поисках топлива, но сильно отдалаться от жилья нам не разрешали:

на развалинах уже работали военнопленные. Мы смотрели на них издали с завистью: им всегда привозили обед... Однажды семье дали талон на гуманитарную помощь из США: по банке рыбных и овощных консервов, банку яичного порошка. А ещё мне достался халатик, которому завидовали девочки в крепости, а брату короткие брюки, за которые его дразнили «американцем».

Однажды семье дали талон на гуманитарную помощь из США: по банке рыбных и овощных консервов, банку яичного порошка. А ещё мне достался халатик, которому завидовали девочки в крепости, а брату короткие брюки, за которые его дразнили «американцем».

Как-то, забравшись на развалины, я рухнула куда-то вниз. На мои крики прибежал пленный, вытащил. После этого случая мама решила съездить в соседнюю деревню к родне, у которой уже жили две эвакуированных семьи. Вскоре пришло извещение о смерти отца в московском госпитале. Мама поехала за урной с прахом, которую мы потом захоронили на Смоленском кладбище.

Фашисты продолжали ночные налёты, предвеляя бомбёжку сбрасыванием осветительных фугасов. Всё горело, ухало, тряслось. Слышно было, как работают наши зенитки, управляемые девушками-зенитчицами. Жители села прятались в погребах. А по утрам жители вновь закладывали выбитые стёкла, выметали осколки из изб, помогали пострадавшим от разрушения соседям.

Мальчишки после таких налётов собирали свои трофеи: какие-то железки. Иногда гибли, подорвавшись на таких военных сувенирах. Так война, даже уходя, на каждом шагу вторгалась в наше детство. Помню: мама тянет нас прятаться, а брат просит

подождать, чтобы посмотреть на бомбёжку. А однажды она нашла у него под матрацем целую ленту с патронами. Летом мальчишки плавали в Днепре и ныряли среди обломков разбомблённого железнодорожного моста, где часто калечились.

Осенью сорок четвёртого брат пошёл в первый класс. Я тоже хотела учиться, но меня не взяли, сказали, что я Филиппок.

В сорок пятом мы наконец снова поселились в Смоленске, у дяди, в семье которого было своих трое детей. Осенью я пошла учиться в уцелевшую школу.

Когда мы узнали, что вечером 8 мая по радио будут передавать речь Сталина, долго не ложились спать, были счастливы, что услышим голос вождя. Но я заснула, а утром расплакалась. Умолкла, только когда мне пригрозили, что не возьмут на празднование Победы. Так закончилось моё военное детство.

Прошло семьдесят лет, но всё было будто вчера. А праздник 9 Мая всегда проходит в слезах и воспоминаниях.

Эльвира Воронина